

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ПРОСПЕКТА «ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ»
АН СССР, тт. I—II *

Начну с замечаний, касающихся всего проспекта в целом. Прежде всего обращает на себя внимание полное отсутствие каких-либо сведений по источниковедению, историографические же справки даются лишь в отдельных исключительных случаях. Возможно, что это зависит от общей установки, принятой для всего издания.

Синхронистический способ изложения имеет свои преимущества и потому не вызывает возражений, если не считать в отдельных случаях чрезмерной дробности деления. Однако с последовательно проводимым распределением материала исключительно по чисто географическому принципу никак нельзя согласиться; благодаря такому способу изложения, история западной Греции (Сицилии и Великой Греции) оказывается совершенно оторванной от общей истории Греции и включенной в обзор начальной истории римского государства.

Наибольшие сомнения с моей стороны вызывает содержание проспекта в части, касающейся истории рабовладельческого строя стран древнего Востока, поскольку именно по этому разделу я во многом не разделяю взглядов редакции соответствующего тома. Ввиду наличия разногласий относительно характера и типа рабовладельческого строя на Востоке, равно как и по ряду частных вопросов, ввиду того что многие эпохи и стороны истории экономических и общественных отношений древнего Востока остаются далеко недостаточно или вообще неосвещенными, следовало бы отметить все эти обстоятельства хотя бы в предисловии и уж во всяком случае совершенно неправильно выдавать одно из существующих направлений за последнее слово советской науки. Основное разногласие сводится, как известно, к различной оценке соотносительного значения эксплуатации труда местного населения (эксплуатации, ничем не отличающейся от форм настоящего рабства) и труда собственно военнопленных рабов, причем редакция и авторы предлагаемого проспекта склонны, по аналогии с формами античного рабства, сосредоточивать свое внимание на последнем виде эксплуатации, недооценивая и частично вообще игнорируя факты эксплуатации местного населения.

После этого общего замечания остановлюсь на некоторых частностях. Приступая к такому частному обзору, следует прежде всего заметить, что проспект не содержит сколько-нибудь развернутого изложения основных положений, но ограничивается простым перечнем содержания по типу распространенного оглавления, ввиду чего во многих случаях представляется затруднительным высказываться по существу относительно отдельных положений. Так, в § 1 главы второй (стр. 286) значится: «эксплуатация широких масс свободного населения» (речь идет о Египте времени первых династий) — заголовок многообещающий, однако как и в какой форме производилась эта эксплуатация, остается совершенно нераскрытым. Здесь уместно было бы вспомнить замечание Энгельса о трех основных ведомствах в странах древнего Востока: 1) ведомстве работ, 2) ведомстве ограбления собственных подданных и 3) ведомстве ограбления чужих народов, поскольку именно эти слова Энгельса почти буквально соответствуют основным формам организации государственного аппарата Египта при первых династиях. Хотя в проспекте и имеется далее указание на «государственный аппарат и жречество», однако, повидимому, при этом имеется в виду отношение жречества к государственной власти, а не собственно организация государственного аппарата.

В том же параграфе упоминается также глухо «строительство пирамид». По непосредственному свидетельству Геродота (со слов жрецов, пользовавшихся, по всей вероятности, древними записями), на строительстве пирамид применялся прежде всего, если только не исключительно, труд местного населения; Маркс показывает и условия, создававшие возможность такой эксплуатации, отмечая высокую производительность почвы при крайне низком уровне потребностей населения, благодаря

* Продолжение публикации отзывов, начало см. ВДИ, 1952, № 3.

чему получался значительный излишек свободного времени, который и использовался деспотической властью в своих интересах. Однако, вопреки этому комментированному Марксом свидетельству Геродота, в нашей науке получила распространение ничем не подтвержденная гипотеза о том, что главную рабочую силу в деле строительства пирамид составляли военнопленные рабы, и есть все основания полагать, что такое свободное обращение с фактами имеет место и в тексте соответствующего параграфа.

В болотистой местности южного Междуречья заселение ее могло происходить лишь одновременно с частичным хотя бы ее осушением путем проведения первых каналов, что происходило еще в эпоху энеолита. Имеется ряд литературных и иных указаний на то, что эти первые ирригационные работы производились в условиях свободного общинного быта трудом членов племенных общин. А в соответствующем месте текста, с которым мне пришлось ознакомиться, говорится, что уже в то время (в эпоху энеолита, как признается и самим автором текста) проведение каналов было делом рабов-военнопленных (!). В проспекте это выражено в более завуалированной форме: «Возможность порабощения военнопленных» (стр. 285).

Первый абзац § 2 второй главы (стр. 286) изложен в настолько неопределенной и малосодержательной форме, что представляется не совсем ясным, имеется ли в виду общая характеристика экономического и общественного строя древнего Шумера или начальный период его истории; в последнем случае нельзя говорить ни о царской власти, ни о «царских хозяйствах» (почему множественное число?), поскольку звание лугалья (царя) до времени аккадской династии было в значительной мере только номинальным, объединенного же царского хозяйства до времени третьей династии Ура вообще не существовало. Как бы то ни было, во всяком случае фактическое изложение истории Шумера начинается лишь с середины III тысячелетия, весь же предшествовавший почти тысячелетний период, период возникновения и развития крупного государственного хозяйства (первоначально в виде храмового и затем патесиального хозяйства) и становления и укрепления государственной власти (в форме власти местных патесов), остается совершенно неосвещенным, хотя древнейшие архивы (Урука, Джемдет Наср, древнего Ура, Шурушпака) содержат достаточно материала для его освещения. Ограничиваться одной фразой о «возникновении государства» во всяком случае не следует.

В следующем параграфе идет речь относительно «роста недвижимой собственности рабовладельческой знати», причем имеются в виду, очевидно, данные обелиска Маништусу. Распространенное ранее толкование этого документа в том смысле, что приобретаемые царем земли предназначались для распределения их между его приближенными, в настоящее время, однако, подвергается сомнению. Позволю себе сослаться на мою статью по этому вопросу. И. М. Дьяконов вообще отрицает какое-либо отношение перечисляемых в документе лиц к приобретаемой царем земле и видит в них обычный в аналогичных актах о покупке недвижимостей список свидетелей. Не бесспорен и факт возникновения крупного землевладения на «высоких полях», также оспариваемый И. М. Дьяконовым (см. его перевод надписи конуса Урукагины, ВДИ, 1951, № 1).

В начале того же 3-го параграфа значится «обращение в рабство большого числа общинников». По поводу этого пункта следует заметить, что обращение в рабство части местного населения не относится к какому-либо определенному времени, но представляет собою длительный, постепенно протекавший и завершившийся ко времени третьей династии Ура процесс.

Положительную сторону проспекта в рассматриваемом разделе представляет указание на технический прогресс, отмечаемый в отношении каждой отдельной эпохи. Однако это лишь одна сторона вопроса. Напротив, те существеннейшие изменения, которые вместе с этим происходили в хозяйственной организации и в положении трудящихся, далеко не всегда и не в полной мере находят отражение в проспекте. Так, в проспекте совершенно не отмечен факт объединения местных патесиальных хозяйств в едином централизованном царском хозяйстве и происшедшие в связи

с этим изменения как в организации, так и в ведении отчетности внутри государственного хозяйства времени третьей династии Ура, равно как и факты возросшей эксплуатации и увеличения числа собственно военнопленных рабов в это же время в результате завоевательных походов царей этой династии. То же самое следует сказать и относительно времени первой вавилонской династии (§ 2 третьей главы, стр. 287—288). И в этом случае остаются совершенно неотмеченными еще более существенные перемены в хозяйственной системе, связанные с фактическим прекращением функционирования централизованного государственного (царского) хозяйства и с заменой его системой контроля со стороны государственной власти. Именно благодаря этому обстоятельству, для проявления частнохозяйственной инициативы и для развития частного хозяйства открывались более широкие перспективы, что и нашло отражение в большом числе сохранившихся от этого времени документов частнохозяйственного характера (актов продажи недвижимостей, договоров об аренде земли и хозяйственных построек, завещательных распоряжений и пр.), а равно как и в развитии частного предпринимательства, например, в области торговли. Вопрос о «разрушении общинного землевладения» также далеко еще не является решенным и по крайней мере требует дальнейшего исследования.

В отношении шумерской эпохи следует отметить и полное отсутствие очерка шумерской культуры: литературы (древнейшие версии эпических сказаний о Гильгамеше, ряд сказаний о мироздании, восходящих к шумерскому времени, надписи патеси и царей), искусства (скульптурные произведения, памятники архитектуры — зиккураты, храмовые сооружения, восходящие ко времени древнего Урука), религиозных представлений, в которых находили себе отражение общественные отношения.

Известно, насколько сложен и трудно разрешим вопрос о рабстве и его формах в древней Индии. А между тем в проспекте мы находим лишь малоопределенные пометки: «Особенности общественных отношений в древних рабовладельческих государствах северной Индии», «рабство и его характер», из которых совершенно не видно, в каком направлении разрешаются эти основные вопросы (часть 2, гл. 1, § 2, стр. 289).

Неточно и односторонне утверждение, что походы египтян при XVIII династии имели своей целью охоту за рабами (ч. 1, гл. 2, § 1, стр. 290), не говоря уже о том, что самое это утверждение основано на неоправданно расширительном толковании одной надписи Аменхотепа II (см. статью И. С. Кацнельсона, ВДИ, 1951 г., № 3).

Мало понятно, почему «борьба с поработителями» могла способствовать превращению Ассирии в рабовладельческое государство (там же, § 3).

Раздел, посвященный хеттскому обществу и государству, изложен в проспекте настолько неопределенно, что судить о его содержании не представляется возможным.

В конце первого тома приводится известное высказывание И. В. Сталина о характере империй древнего мира и довольно обстоятельно рассматриваются «причины распада древнейших военно-административных объединений», причем, очевидно, имеются в виду такие государственные объединения, как монархии Кира персидского и Александра Македонского. А между тем история возникновения персидской монархии излагается не только значительно позже, но и в другом томе, причем снова приводится и цитата из И. В. Сталина и «характеристика персидского государства как военно-административного объединения» (т. II, гл. 2, § 1, стр. 295—296). Целесообразнее было бы не дублировать текст и изложить историю возникновения персидского государства не попутно в связи с началом Греко-персидских войн, а самостоятельно в конце первого тома, заключив тем историю стран древнего Востока.

Содержание второго тома, охватывающего историю рабовладельческих обществ античного Средиземноморья, не вызывает особых возражений. Поэтому здесь достаточно ограничиться несколькими краткими замечаниями, преимущественно структурного характера. Некоторое сомнение возбуждает только вопрос о носителях микенской культуры, обойденный в проспекте молчанием. Было бы чрезвычайно печально, если бы в тексте всемирной истории наша себе отражение далеко недостаточно обоснованная гипотеза В. Георгиева. В дальнейшем, впрочем, в проспекте говорится

В заключение считаю необходимым внести некоторую оговорку в отношении оценки значения и характера рабовладения на Востоке в эллинистическую эпоху. Констатируя факт «распространения развитых рабовладельческих отношений в областях раннего рабовладения» необходимо учитывать при этом, что этот факт явился не результатом внутреннего развития, но был привнесен извне, и потому не следует чрезмерно преувеличивать его значение.

Ленинград
6 июля 1952 г.

Акад. А. И. Тюменев

* * *

«Всемирная история», создаваемая рядом институтов Академии Наук Союза ССР, бесспорно явится важным этапом в развитии нашей исторической науки не только потому, что она подведет итоги всему тому, что удалось сделать советским историкам, вооруженным методом марксизма-ленинизма, но и потому, что, работая над ее созданием, авторский коллектив продвинет вперед наши знания конкретного развития всемирно-исторического процесса.

Уже из самого краткого проспекта первых двух томов «Всемирной истории», опубликованного в ВДИ, видно, что подготавливаемый труд будет во многом отличаться от существующих курсов. Достаточно хотя бы отметить синхронность построения истории древнего мира, что безусловно поможет лучшему пониманию развития рабовладельческого общества, увязку изложения истории рабовладельческих государств с показом общественного развития «варварской» периферии, развернутое изложение древней истории Китая и Индии, включение в такой общий труд истории Средней Азии рабовладельческого периода, чтобы стало ясным то новое, что внесет в нашу историческую науку выпуск в свет первых двух томов «Всемирной истории».

Рассмотрение того положительного и нового, что можно почерпнуть в опубликованном проспекте, можно было бы продолжить, однако мне кажется более нужным при обсуждении проспекта сказать о том, что вызывает сомнения или кажется неправильным.

Прежде всего вызывает сомнение наименование принятой в проспекте периодизации истории рабовладельческих обществ — их деление на общества с «ранне-рабовладельческими» и общества с «развитыми рабовладельческими» отношениями, которое, как мне кажется, может привести и приводит к ошибочным выводам. В самом деле, наличие рабовладельческих обществ, имеющих в своем хозяйстве и культуре значительные отличия, является историческим фактом, и различия между ними в сжатом виде изложены в пояснительных замечаниях редакции первых двух томов «Всемирной истории» на стр. 8—9 первого номера ВДИ за 1952 г. Однако, признавая это различие различием между обществами с ранне-рабовладельческими и развитыми рабовладельческими отношениями, составители проспекта вынуждены видеть в них не два типа рабовладельческих обществ (что мне казалось бы правильнее), а два сменяющих друг друга этапа, хотя и могущие в некоторые периоды сосуществовать одновременно, но приводящие к тому, что «Развитое рабовладельческое хозяйство вовлекает в свою систему более отсталые области, для которых характерны ранне-рабовладельческие или даже первобытно-общинные отношения» (там же, стр. 9). Верно, конечно, что Греция и Рим, которые проспект характеризует как общества с развитыми рабовладельческими отношениями, вовлекли, на известном этапе своего развития, в свою систему страны Ближнего Востока. Но ведь Индию и Китай никакое общество с «развитыми рабовладельческими отношениями» не вовлекало в свою систему, что не помешало им тем не менее, в свое время, перейти к феодальным отношениям? Да и был ли в действительности эллинизм временем, когда «ранне-рабовладельческие отношения» сменялись «развитыми рабовладельческими отношениями»?

Если взять для примера эллинистический Египет и сравнить основные признаки существовавших в нем общественных отношений с теми, которые признаются характерными для развитых рабовладельческих обществ (стр. 8—9), то окажется, что боль-

шинство черт основных и важнейших для такого рода обществ здесь отсутствуют попрежнему. В самом деле, рабский труд, во всяком случае в производстве сельскохозяйственных товаров, не вытеснил труда свободных производителей. Кабальное рабство не было уничтожено. Сохранилась прежняя форма собственности на землю и сохранилась прежняя деспотическая форма государства. Весьма существенно и то, что сельская община, являвшаяся огромной консервативной силой (ее наличие необходимо ввести как весьма характерный элемент характеристики рабовладельческих обществ, существовавших на Востоке), сохранилась не только в эллинистическом, но даже и в римском Египте.

Что же касается роста производительных сил, то некоторый рост их в эллинистическую пору, как и в предшествовавшие периоды, бесспорно имел место, что понятно, так как рабовладельческий способ производства в это время еще не изжил себя. Но было ли это результатом привнесения сюда «развитых рабовладельческих отношений»? Мне кажется, что нет. Ведь К. Маркс писал: «Египет и для других писателей, современников Платона, напр. Исократ, был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен Римской империи»¹.

Таким образом, оказывается, что все основные признаки «развитых рабовладельческих обществ» здесь отсутствуют. Отсутствуют они и в государстве Селевкидов². Если же, в итоге дальнейшего общественного развития, рабовладельческий способ производства изжил себя и в странах Ближнего Востока и на смену ему пришел феодальный способ производства, то ведь то же самое имело место и в Китае и в Индии, которые никогда не были вовлечены в систему обществ с «развитыми рабовладельческими отношениями» и где «классические» формы рабовладения никогда не имели места (ВДИ, 1952, № 1, стр. 12 и 14). Следовательно, для объяснения этого вполне закономерного процесса, как мне кажется, нет никакой надобности конструировать теорию о ранних и развитых этапах рабовладельческих отношений, которая дана в ряде разделов проспекта первых двух томов «Всемирной истории». Такая теория тем более кажется мне не приемлемой что она, независимо от желания авторов проспекта, создает впечатление об исключительности роли Эллады и Рима в истории стран Востока.

Мне кажется, что признание наличия двух основных типов рабовладельческих обществ будет способствовать более правильному пониманию и объяснению путей развития рабовладельческих обществ. В частности это поможет правильно объяснить, почему феодальные отношения развиваются раньше именно в тех рабовладельческих обществах, которые проспект называет «ранне-рабовладельческими» обществами, почему в развитии феодальных отношений на Востоке имеются существенные различия по сравнению с развитием тех же феодальных отношений в ряде стран Европы, различие, которое не раз отмечает проспект III тома «Всемирной истории».

В качестве возможного обозначения этих двух типов рабовладельческих обществ можно предложить такие, как «рабовладельческие демократии» и «рабовладельческие деспотии».

Позволю себе высказать еще несколько замечаний относительно проспекта.

1. Правильно ли уже для времени III—IV дин. древнего Египта говорить о верховном праве царя на землю (ч. 1, гл. 2, § 1). Положение Маркса о том, что «...в большинстве основных *азиатских* форм, *связующее единство*, возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами (речь идет об общинах. — *И. Л.*), выступает как высший *собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*»³, отнюдь не говорит об изначальности прав царя как верховного собственника земли. Вероятнее всего, это результат

¹ К. Маркс, Соч., т. XVII, стр. 405.

² См., например, характеристику этого государства в работе: А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, 1950, стр. 112 сл., а также статью Г. Х. С а р к и с я н. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии, ВДИ, 1952, № 1, стр. 68 сл.

³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Госполитиздат, 1940, стр. 6.

длительного процесса и его завершение мне кажется более правильным относить к более позднему времени¹.

2. Непонятно, почему в подавляющем большинстве разделов изложение культуры того или иного периода или страны начинаются с литературы или искусства, а не религии. Ведь в рабовладельческом обществе именно от религиозных взглядов в очень многом зависели и литература, и искусство, и наука. О зависимости искусства от мифологии еще в свое время замечательно сказал Маркс: «Предпосылкою греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией. Это его материал. Но не любая мифология... Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства»². То же самое можно сказать и о литературе. Разве можно, например, объяснить древнеегипетские царские победные гимны, ничего не сказав о концепции божественности фараона, или «Повесть о двух братьях», сказку о «Правде и Кривде», не говоря уже о «Споре Гора и Сета» без древнеегипетской мифологии? Точно так же как, например, можно говорить о древнеегипетской медицине (при всем том, что она имела выдающиеся, действительно научные достижения: кровеносная система, зависимость деятельности различных органов от повреждения мозга, пульсация мозга, операции по удалению бельма), не сказав о религиозных верованиях и магии. В еще большей мере это касается вавилонской астрологии.

3. Вряд ли правильно говорить о евреях во времена Эхнатона. Древнеегипетское *srw*, точно так же как акк. «хапиру»³, в тот период не было еще этническим названием и применялось, повидимому, для обозначения кочевников⁴. Поэтому здесь (ч. II, гл. 2, § 1) было бы лучше говорить о войнах с кочевыми семитическими племенами и с хеттами.

4. Мне кажется, что в § 5 второй главы II части имеется внутреннее противоречие. В самом деле, если при XIX и XX дин. действительно имело место: «Установление общности интересов крупных и мелких рабовладельцев», то каким образом в то же самое время могло происходить разорение «свободных производителей». Ведь они, эти мелкие производители, и есть мелкие рабовладельцы. В том же параграфе дальше говорится о том, что имело место уменьшение боеспособности египетской армии, после чего указывается «Введение наемной армии». Мне кажется, что дело обстоит как раз наоборот: именно введение в армию иноземных наемников, которых оплачивали земельными наделами на царской и храмовой земле, способствовало вытеснению мелких производителей из сельского хозяйства, их разорению и, в конечном счете, уменьшению боеспособности армии. Но этот конечный результат сказался позднее, к концу XX династии.

5. Недоумение вызывает и § 5 четвертой главы 1-й части, в которой говорится сначала о восстании бедноты и рабов в древнем Египте, затем об усилении эксплуатации общинников, а затем опять о восстании бедноты и рабов. Это, видимо, какая-то опечатка. Мне казалось бы также правильным сделать какую-нибудь оговорку относительно датировки восстания. Ведь прямых данных о том, что события, описанные в известных поучениях Эрмитажа и Лейденского музея, имели место перед нашествием гиксосов, пока не обнаружено и датировка восстания этим временем основана на косвенных данных, которые с полным успехом можно отнести ко времени, предшествовавшему Среднему царству. А ведь из отнесения восстания на время после Среднего царства безоговорочно делаются весьма существенные выводы.

Наконец, хотелось бы высказать пожелание, чтобы важнейшие из новых для науки положений, как, например, утверждение, что при ливийской династии в Египте

¹ Подробнее см. об этом в рецензии И. М. Дьяконова и И. М. Лурье на труд В. И. Авдиева, История древнего Востока, ВДИ, 1950, № 1, стр. 118.

² К. Маркс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

³ Ссылкой на акк. «хапиру» я обязан И. М. Дьякову.

⁴ См. A. Gardner, Onomastica. Text., т. I, стр. 184 *, прим. 1.

непосредственные производители материальных благ были превращены «в лишенные прав касты земледельцев и ремесленников», были бы предварительно развернуто обоснованы в специальных статьях; сделать это в пределах «Всемирной истории» явно невозможно, а без такого обоснования подобные новые положения не будут достаточно убедительны.

Было бы также весьма желательно, чтобы в конце каждой главы были указаны важнейшие источники и специальные исследования: для вдумчивого читателя это было бы очень важно.

Ленинград

Проф. И. М. Лурье

7 июля 1952 г.

* * *

Создание проспекта «Всемирной истории» само по себе является серьезным достижением советской исторической науки. Проспект отражает не только результаты большой работы советских историков в области конкретного исследования ряда важнейших вопросов истории различных стран и народов, но также и в области широких теоретических обобщений на основе марксистско-ленинской методологии. Написание «Всемирной истории» коллективом советских историков действительно может и должно дать советскому читателю не историю «избранных народов», а подлинное освещение содержания исторического процесса, и при помощи синхронного изложения показать исторические явления в их взаимосвязи. Должен быть показан и вклад в историю человечества, внесенный народами, как жившими на территории нашей Родины, так и различными другими народами, создавшими свою оригинальную культуру, ценность и значение которой незаслуженно игнорировались. Это те народы, которые, как в глубокой древности, так и в последующие времена, являлись объектом завоеваний, колониальной эксплуатации и мужественно боролись за свою свободу и независимость, за сохранение достижений своей культуры. И в этом отношении «Всемирная история», подготовляемая Академией Наук Союза ССР, явится острым идеологическим оружием в борьбе прогрессивного человечества против идеологии мирового господства и угнетения народов, пропагандируемой американско-английскими империалистами. История первобытно-общинного строя и рабовладельческих обществ является далеко немаловажным участком исторического фронта, где над искажением подлинного хода исторического процесса и роли в нем отдельных народов не мало «поработали» представители исторической «науки» капиталистических стран. В этом отношении история эллинизма занимает особое место и далеко не случайно именно в XX в. привлекает такое внимание историков в Англии и Америке. Это имеет ясную непосредственную связь с пропагандой политики мирового господства, с задачами покорения народов Востока, рассматриваемых как пассивный объект колонизации и завоеваний, как объект распространения на эти народы всех «благ» современной капиталистической цивилизации. Отсюда и идея панэллинизма, как исторического оправдания претензии на мировую гегемонию, идеализация македонских завоеваний, создания мировой державы Александра и эллинистической космополитической культуры при статическом восприятии общественной жизни и культуры народов Востока, игнорирование роли последних в историческом процессе.

С этой точки зрения период эллинизма и правильное освещение его сущности и его всемирно-исторической роли приобретает для советских историков особое значение и делает особенно опасной возможность влияния европоцентризма в трактовке исторических явлений этой эпохи. Между тем именно этот раздел так, как он отражен в проспекте «Всемирной истории», следует признать наименее удачным разделом в двух томах, посвященных истории древнего мира. Сущность эллинизма определяется в двух томах, посвященных истории древнего мира. Сущность эллинизма определяется как распространение развитых рабовладельческих отношений в областях раннего рабовладения (ВДИ, 1952, № 1, стр. 12; проспект, т. II, ч. 4, гл. 1, § 1). Распространение развитых рабовладельческих отношений осуществляется благодаря колонизации Востока греками и македонянами, а развитие производительных сил объясняется

как результат этой колонизации. С этим полностью согласиться нельзя. Прежде всего развитие производительных сил в странах Востока является непосредственным продолжением исторического развития в этих странах, происходившего в предшествующий период, и это обстоятельство нельзя упускать из виду. Сущность эллинизма, как исторического периода, заключается прежде всего в том, что в этот период происходит процесс интенсивного и закономерного развития внутри самих восточных обществ. Развитие их хозяйственной и общественной жизни, переход в ряде областей от первобытно-общинных отношений к отношениям классовым вызывают потребность в создании государств на местной основе, как результат развития экономики и культуры отдельных, входивших в состав военно-административных объединений эллинистических империй племен и народностей, создававших свою экономическую базу, свои языки, свою культуру. Прогрессировал экономический строй обществ, следовательно, развивались и общественные отношения, переходя на более высокий этап. И в этом процессе македонское завоевание и греческая колонизация являлись лишь одним из факторов, влиявших на ход этого процесса, но фактором не главным и не решающим.

Этой стороне процесса в проспекте должного места не отведено, и народы стран Востока изображаются лишь как пассивный объект распространения выработанных чужим народом и занесенных извне более передовых и более высоких общественных форм. Однако следует заметить, что эти развитые рабовладельческие отношения античной Греции в то время уже находились в состоянии глубокого кризиса. Завоевание Востока должно было помочь греческому рабовладельческому обществу найти выход из тисков этого кризиса путем захвата чужих земель, чужих богатств и порабощения других народов. Широкое распространение жанра социальной утопии в греческой литературе того времени с шаблонной идеализацией первобытно-общинного и примитивно-рабовладельческого строя народов Азии и Африки рисует идеологию переживающего этот кризис раздираемого противоречиями рабовладельческого общества.

По существу концепция истории эллинизма в проспекте «Всемирной истории» не сильно отличается от традиционной буржуазной концепции, созданной и пущенной в оборот более ста лет назад немецким ученым Дройзеном. Разница лишь в том, что по Дройзену историческое содержание эллинизма заключалось в распространении греческой культуры среди народов Востока, т. е. в распространении явлений надстройки, а в проспекте «Всемирной истории» история эллинизма определяется как распространение более высокого «европейского» базиса на страны Азии и Африки, имевшие менее развитый базис.

В проспекте упоминается о происхождении армянского и грузинского народов (т. II, ч. 3, гл. 3, §§ 7 и 8). Действительно, процесс формирования этих народов падает на середину и вторую половину первого тысячелетия до н. э. В эпоху эллинизма происходит их консолидация и возникают государства в Иберии и Армении. Но возникает вопрос, почему не упомянуто о происхождении других народов. Разве их не было? Очень важно также проследить, как и чем эллинизация народов Востока с ее распространением развитых форм рабовладения задерживала процесс образования народов из родственных этнических племен. Показателен в этом отношении и факт борьбы народов Средней Азии против эллинизации, да и не только Средней Азии, а и некоторых других народов, как стремление отстаивать право на самостоятельное историческое развитие и протест против насаждаемой эллинами формы общественно-экономической эксплуатации.

Важно было бы яснее осветить значение типичной для эллинистических государств политической формы — монархии, с одной стороны, как формы военно-административного объединения различных по социально-экономическому строю и языку племен и народностей, а с другой, — как формы, не нашедшей почвы для развития среди эллинистических обществ, но характерной для Македонии и государств Азии, сохранивших в своей организации элементы пережитков первобытно-общинного строя.

III век до н. э. трактуется как период прогрессивного развития эллинизма, период

интенсивного развития античных форм рабовладения в покоренных странах (ВДИ, 1952, № 1, стр. 12). На основе этого прогрессивного развития складывается эллинистическая идеология и культура. Культура эта, как она показана в проспекте (т. II, ч. 4, гл. 1, § 1 и 11), является культурой лишь правящего класса поработителей и рабовладельцев, это космополитическая эллинистическая культура, эллинская в своей основе, в которую лишь влились восточные элементы. Культуры самих восточных народов не показаны, словно их и не было, или они совершенно остановились в своем развитии. Уже в этот период прогрессивного развития эллинизма, т. е. в III в. до н. э., народы восточной периферии ведут борьбу против эллинизации (т. II, ч. 4, гл. 1, § 10), и «восточная периферия отпала от эллинизма», т. е. отказалась от дальнейшего распространения развитых форм рабовладения, принесенных греками, и продолжала свое социально-экономическое, политическое и культурное развитие самостоятельно. Это и явилось, несомненно, главной причиной того, что страны эти отстояли себя против римских завоеваний и не вошли в состав Римской империи. Во II в. до н. э. «покоренные народы Востока начинают оказывать более упорное, чем раньше, сопротивление завоевателям и не только на периферии эллинистического мира, но и на основной территории эллинистических государств» (ВДИ, 1952, № 1, стр. 13). Это означает не только то, что покоренные народы, «на эксплуатации которых в значительной мере покоился эллинизм», не хотели принимать принесенные завоевателями формы жизни с ее обостренными антагонистическими противоречиями, но и отражает значительный прогресс социально-экономического развития внутри восточных обществ и достаточную зрелость их для создания новых государств во главе с местными правителями. Во II в. до н. э. крепнет Понтийское царство. Армения освобождается от власти Селевкидов, усиливается Парфия.

Высказанные соображения, думается, дают основание для пересмотра определения сущности эллинизма, как исторического периода, для установления иных характерных для него признаков на основе особенностей развития тех народов, на территории которых складывались основные признаки этого периода, а не того народа, который принес формы своей жизни из своей страны, т. е. из Эллады, ибо в эту эпоху центр тяжести исторического развития переходит из Эллады на Ближний Восток и страны Передней Азии. Правда, в настоящее время исследовательская разработка многих конкретных вопросов об особенностях общественно-экономической и культурной жизни народов Азии эллинистического периода еще слишком мало продвинута. Обусловлено это как скудостью источников и трудностью их истолкования, так и прежде всего тем, что внимание исследователей концентрировалось до сих пор в основном вокруг явлений, связанных с ролью греков и македонян и греческой культуры на Востоке. Кроме того, результаты исследований буржуазных историков, сделавших не мало полезного в смысле издания источников, сводки материала и освещения отдельных вопросов истории эллинизма, страдают тенденциозностью и отличаются неверной и прямо порочной концепцией. Поэтому написание полноценной истории эллинизма представляет сейчас большие трудности и требует предварительной большой исследовательской работы. Между тем «Всемирная история» должна отражать состояние советской исторической науки на сегодняшнем ее этапе и обобщать результаты проделанных уже исследований. Тем не менее обязанностью советских историков является коренной пересмотр самой постановки проблемы эллинизма и формулировки его сущности в свете задач нашей науки. Далее это должно найти отражение в оценке явлений и фактов и прежде всего в установлении критериев для оценки прогрессивной роли эллинизма, в четкой постановке вопросов и задач дальнейшего исследования, чтобы правильно ориентировать читателя. Авторы и редакторы «Всемирной истории» это могут сделать на основании уже проделанных исследований, и это следует сделать, если мы хотим преодолеть до конца чуждую и враждебную нашей идеологии тенденцию европоцентризма и элементы апологии захватничества и культуртрегерства, свойственных американско-английским «историкам» эллинизма.

Считаю необходимым высказать еще несколько соображений по поводу истории народов Закавказья.

Т. II, ч. 3, гл. 3, § 7: «Колхида и Иберия в Ахеменидский период». У Иберии, к счастью для нее, не было «ахеменидского периода». Народы, населявшие Иберию, были независимы с древнейших времен до включения Иберии в состав государства Сасанидов. Поэтому Иберия и сыграла роль колыбели грузинской государственности и имеет право на периодизацию на основе этапов своего внутреннего исторического развития.

Как в этом параграфе будут освещены хозяйство и общественный строй картвельских племен, из проспекта не видно, но далее мы читаем: «Формирование государств в Иберии и Колхиде». Время формирования этих государств приурочено в проспекте к «ахеменидскому» периоду. В статье ВДИ, 1952, № 1, стр. 12 образование государства в Колхиде отнесено к V в. до н. э. («отчасти под эллиническим влиянием»), в Иберии — к IV в. В «Истории Грузии» (изд. Института истории им. акад. Джавахишвили АН ГССР, 1950, стр. 53) читаем: «Мы еще не знаем, когда возникло государство колхов. Древне-греческие писатели упоминают о нем с VI в. до н. э.»

Между тем единственным упоминанием о государстве колхов является миф об аргонавтах, который никак не может быть использован для обоснования факта существования колхидского государства в столь раннее время. Гекатей упоминает о колхах, как о племенах, имевших, как и скифы, различные названия. Геродот, лично посетивший Колхиду, ни слова не говорит о существовании государства у колхов и упоминает колхов наряду с другими племенами, не имевшими государств, — мосхами, тибаренами, макронами, марами, алародиями, саспейрами, жившими первобытно-общинным строем. Нет сведений о государстве колхов ни у Гиппократе, ни у Ксенофонта. Колхи переживали на рубеже V—IV вв. до н. э. первобытно-общинный строй, а термин «Колхида» употребляется не в значении государства колхов, а в значении страны, ими населенной. Никаких данных о существовании государства колхов не находится и в ставшем известным до сих пор археологическом материале.

Чекан монет, так называемых «колхидок», выпуск которых А. Н. Зограф (ТОНГЭ, 1945, стр. 38) и Д. Г. Капанадзе («Грузинская нумизматика», 1950, стр. 27, на груз. яз.) относят к IV—II вв. до н. э., не может служить подтверждением факта существования Колхидского государства. А. Н. Зограф считает, что особенности монет не позволяют точно решить вопрос в пользу городской (г. Фасис) или племенной чеканки, а Д. Г. Капанадзе, разделяющий ошибочное мнение о существовании Колхидского государства, также не считает возможным решить, чеканили их «колхидские цари», отдельные города или отдельные племена. Однако наличие на некоторых монетах греческих букв говорит скорее о том, что монеты выпускались греческой колонией Фасидом специально для торговли с племенами, населявшими Колхиду, сбывавшими продукты своего хозяйства и ремесла (льняные ткани) купцам, жившим в Фасиде. О последнем говорит определенно ограниченный географический район распространения монет. Самый факт монетного обращения на территории Колхиды в среде ее коренного населения говорит лишь о сравнительно высоком уровне развития хозяйства колхов, о чем свидетельствует и инвентарь могильников VI—III вв., но не о существовании единого государства. Об общественном строе племен колхов того времени мы, к сожалению, почти ничего не знаем и должны ограничиваться лишь предположениями. Вопрос о золотых статерах с упоминанием царя Ака и монет с упоминанием царя ΣΑΥΛ... или ΣΑΥΜ... до сего времени остается неясным. Чекан, подражающий статерам Александра и Лисимаха, также не является документом, подтверждающим существование государства колхов, и к тому же относится к тому времени, когда, согласно редакционной статье (ВДИ, 1952, № 1, стр. 13), Колхида уже распадается на отдельные владения (скентухии).

Кстати, относительно деления Колхиды на скентухии в источниках указаний нет. Упоминание скентухов, подчиненных в свою очередь тиранам или «царям», у Страбона, XI, 2, 13 (на основании Артемидора), относится не к колхам, а к ахейцам, зигам и геннохам. Из описания их образа жизни видно, что у племен этих был еще не классовый, а первобытно-общинный строй.

Представлять себе историю Колхиды таким образом, что в период подчинения

персидской державе и при наличии на побережье в их непосредственной близости греческих колоний в V в. там сложилось обширное самостоятельное государство, а в III в., когда Колхида была свободной от иноземного владычества, государство это распалось на скептухий, это значит, не считаясь с реальной исторической обстановкой и данными источников, поворачивать процесс исторического развития вспять. В действительности мелкие государственные образования начали складываться в Колхиде не ранее последних веков до н. э., и лишь в IV в. н. э. на территории Колхиды складывается Лазское царство. Весьма возможно, что именно персидское владычество, наличие греческих колоний, а позже зависимость от Митридата Эвпатора и затем от римлян помешали образованию государства в Колхиде в то время, когда на территории Иберии, свободной от иноземного господства, государство возникло уже на рубеже IV—III вв. (вернее в самом начале III в. до н. э.), и когда Колхида, с захирением греческих колоний, переходила от племенного строя к образованию мелких княжеств, Иберийское царство быстро развивалось и крепло.

В древней истории народов СССР есть еще много вопросов, мало исследованных и совсем не исследованных. Позволим себе пожелать, чтобы «Всемирная история», подготавливаемая Академией Наук СССР, подводя итоги исследований советских историков, использовала бы результаты их работы не без критики и пересмотра некоторых выводов в соответствии с данными источников.

Ленинград

А. Болтунова

9 июля 1952 г.

* * *

Предложенный для обсуждения читателям ВДИ проспект первых двух томов «Всемирной истории» является результатом серьезной и кропотливой работы его составителей. Прежде всего, в проспекте преодолен европоцентризм. Как известно, традиционное деление истории древнего мира на древний Восток, Грецию и Рим, исключаящее или низводящее до второстепенного краткого придатка историю всех других народов, является пережитком порочной гегелевской схемы деления народов на исторические и неисторические в ее приложении к истории древности. Эта схема фактически делала невозможным построение подлинно всемирной истории. Другим несомненным достоинством проспекта является горизонтальный, территориальный синхронизм, при помощи которого должна быть преодолена изолированность изложения истории отдельных стран с целью представить историю человеческого общества во всей ее конкретной многообразной сложности, как обусловленный развитием производительных сил и производственных отношений, прогрессивный всемирно-исторический процесс. Однако здесь перед составителями проспекта и авторским коллективом возникают очень сложные методологические и композиционные проблемы, которые, на мой взгляд, в проспекте еще полностью не разрешены. Прежде всего я имею в виду вопросы периодизации Всемирной истории древнего мира и вопросы сочетания горизонтально-синхронистического принципа с принципом, так сказать, вертикально-хронологическим. Во всем изложении для читателя должны четко вырисовываться конкретные истории отдельных стран, взаимосвязи между ними (или объяснение причин временного отсутствия таковых) и общие закономерности развития рабовладельческой общественно-экономической формации, связывающие пеструю историю разных стран в единое, хотя и неравномерно развивающееся, целое. Для этого в проспекте надо композиционно выделить ведущие пути развития так, чтобы на них сразу и все время было сосредоточено внимание читателя.

Для этого надо преодолеть замкнутую в себе лаконичность большинства формулировок проспекта так, чтобы они были взаимно связаны раскрытием основных положений. Основные же положения должны быть сформулированы в виде заостренных тезисов. Пока в проспекте это основное композиционное и методологическое требование в достаточной мере не выполнено, и поэтому при многопредметности изложения

возникает опасность механического синхронизма и связанная с этим опасность превращения органически развивающейся многосложной темы «Всемирной истории» в распадающиеся на отдельные главы «Очерки по всемирной истории».

В редакционной статье, разъясняющей принципы построения проспекта, справедливо отмечаются трудности разработки периодизации истории древнего мира, которую, как замечает редакция первых двух томов «Всемирной истории», по существу приходится разрабатывать впервые. Отмечая, что «Рабовладельческий строй в своем развитии проходит два этапа — время господства ранних рабовладельческих отношений и время господства развитых рабовладельческих отношений» (ВДИ, 1952, № 1, стр. 8), редакция, однако, предлагает для обсуждения более подробную шестичленную периодизацию. Это деление истории рабовладельческого общества на шесть основных периодов мне представляется в данном проспекте недостаточно мотивированным, потому что для него предложены неодинаковые основания, можно сказать, известная множественность разных факторов, а именно: территориальное распространение рабовладельческих отношений, завоевания, формы государственной надстройки и т. д., значение которых приравнивается к значению основного фактора — развития экономического базиса, в то время как марксистско-ленинская наука подчеркивает неравноценность этих факторов. Шестичленная периодизация содержит в себе элемент искусственности, так как по существу она создана путем простого удвоения трех основных периодов развития: 1) зарождения и роста, 2) расцвета и 3) упадка.

Экономический базис рабовладельческой общественно-экономической формации действительно прошел через три таких основных периода своего развития, хорошо известных историкам-марксистам. Для первого периода характерно господство ранне-рабовладельческих отношений (патриархальное, домашнее рабство). К первому периоду, пользуясь привычными условными обозначениями, можно отнести общества древнего Востока, архаической Греции, раннего Рима и другие, подобные им. Для второго периода характерно господство развитых рабовладельческих отношений («система рабства, направленная на производство товаров», ВДИ, № 1, 1952, стр. 8).

Ко второму периоду можно отнести общества классической Греции, ранний период эпохи эллинизма, позднюю Римскую республику, завершившуюся переходом к принципату, и общества, подобные им. Наконец, для третьего периода характерно развитие в недрах рабовладельческого общества и на его периферии элементов феодализма. Этот период, особенно хорошо изученный на материале истории Римской империи, требует доисследования на материале истории поздне-эллинистических государств и требует еще больших и серьезных исследований на материале истории других стран древнего мира.

Кроме трех перечисленных, других основных качественных изменений в экономическом базисе рабовладельческой формации не было, и поэтому не может быть больше трех общих основных периодов ее развития. Все остальные подразделения, основанные, например, на территориальном и количественном признаках распространения ранних или развитых рабовладельческих отношений или на признаке возникновения больших рабовладельческих империй (так озаглавлена ч. V второго тома, соответствующая пятому периоду шестичленной периодизации) имеют более или менее важное значение, однако внутри трех основных периодов, а не как равноценные им, и не обязательно путем удвоения. А в предложенном проспекте такого качественного различия общей, основной периодизации от более или менее вторичных проявлений или местных особенностей развития последовательно не проводится.

«Советская „Всемирная история“ должна быть построена так, чтобы показать закономерности исторического развития, показать исторические явления в их органической связи и... с точки зрения их движения, их изменения, их развития, с точки зрения их возникновения и отмирания» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101), как этого требует марксистско-ленинский исторический метод» (ВДИ, № 1, 1952, стр. 5). Так формулирует свою задачу редакция. Успешное разрешение этой задачи во многом зависит от степени продуманности вопросов периодизации и композиции

и устранения замеченных недочетов, руководствуясь гениальными трудами классиков марксизма-ленинизма и в первую очередь цитируемыми редакцией в передовой статье гениальными трудами товарища Сталина: «О диалектическом и историческом материализме» и «Марксизм и вопросы языкознания».

Обращаясь к изучению содержания проспекта в его последовательности, надо еще отметить, что если роль географической среды в нем учтена, то второе положение товарища Сталина о подобной же роли роста и размеров плотности народонаселения не учитывается, что является пробелом при учете не главных сил, ускоряющих или замедляющих развитие общества.

Совершенно правильно поместив сведения по истории производства материальных благ — развития техники — в начале соответствующих разделов, авторы проспекта в параграфах, посвященных культуре, совсем о технике не упоминают и, как видно из передовой статьи, даже ставят это себе в заслугу. На самом же деле полное или почти полное отсутствие сведений этого рода в параграфах о культуре в известной степени отрывает культуру от ее материальной базы и является примером механического распределения материала. Нельзя забывать о другой стороне процесса производства, который одновременно является процессом накопления прикладных знаний, в конечном счете обобщающихся в науке. «Уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 438). Поэтому недостаточно, например, ограничиться перечисленным «идеологии и культуры эллинического мира V в. до н. э.» (см. ВДИ, № 1, 1952, стр. 297; Проспект, т. II, ч. III, гл. 2, § 10) без композиционно-методологического возобновления связи и с материальным производством, описанным значительно раньше и уже частично выпавшим из круга внимания читателя. В этом параграфе есть ряд лаконичных формулировок: архитектура, скульптура, живопись и т. д., которые надо наполнить конкретным содержанием. Раскрывая надстроечный, идеологический характер классического искусства древней Греции, его сложные, опосредствованные связи через борьбу классов, политический строй и т. д. с экономикой, надо в этом же параграфе остановиться и на тех элементах прикладных знаний, при помощи которых можно было построить, например, Парфенон в Афинах. Только тогда слишком большая глава, наполненная самым разнообразным содержанием, получит необходимое завершение, которое будет перекликаться с вводным параграфом. Яснее будут представлены в опосредствованных разнообразных связях, — с одной стороны, достижения рабовладельческой культуры, а с другой — ограниченность рабовладельческой формации. В параграфах проспекта, посвященных культуре, «прикладные знания» упоминаются только один раз Повеяло Индии I—II вв. н. э. (см. ВДИ, № 1, 1952 г., стр. 307. Проспект, т. II, ч. V, гл. 1 «Китай и Индия I—II вв. н. э.»). «Прикладные знания» должны быть составной частью всех параграфов, посвященных культуре.

Поздно появляется в проспекте первое упоминание о колонатах (см. ВДИ, № 1, 1952 г., стр. 308. Проспект, т. II, ч. V, гл. 3 «Ранняя Римская империя»), причем в параграфе «Римская империя при Флавианах и Антонинах» сразу предлагается формулировка «укрепление колоната». А о возникновении колоната ничего не сказано. Вообще колоната рассматривается сужено, как проблема, касающаяся только Римской империи. Совсем не отмечены вопросы происхождения и развития колоната или сходных с ним явлений на Востоке.

Интересна последняя обобщающая глава проспекта: «Проблема падения рабовладельческого строя». В ней сформулированы важные обобщения о более раннем развитии на Востоке (по сравнению с Римской империей) феодальных отношений. Но для обобщений в этой главе нет достаточно развернутых предпосылок в предыдущем изложении. А ведь разработка вопроса о падении рабовладельческого общества, не достигшего высшей античной стадии развития, очень важна, так как такое общество было более распространено, чем общество античное.

В проспекте недостаточно и с пробелами представлена древняя история на территории СССР. Даже у Геродота можно почерпнуть больше сведений о племенах и народностях, проживавших в более близком или дальнем соседстве со скифами. Поздно упо-

мянуты славяне и в дальнейшем представлены недостаточно. При дальнейшей разработке проспекта должны быть учтены в большей степени результаты археологических раскопок и итоги сессии Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР в 1952 г. Недостаточно представлена история древней Сибири. Такая важная тема, как древняя история нашей Родины, должна быть систематически пересмотрена и расширена при дальнейшей работе над проспектом.

Наконец — последнее серьезное недоумение. Почему в проспекте не имеется разделов, посвященных общему ознакомлению с источниками и историографией? Источниковедческие и историографические экскурсы в проспекте предложены неравномерно, по отдельным (хотя, в том числе, и важнейшим) проблемам. Но систематических, обобщенных характеристик источников и историографии во «Всемирной истории» нет. Это серьезный пробел. Без них отдельные экскурсы по источникам и историографии полностью не достигают цели. Учитывая, что издание «Всемирной истории» предназначено для широких слоев советской интеллигенции, особенно целесообразно было бы дать систематически обобщенные краткие сведения об источниках. Надо ввести читателей в увлекательнейшую лабораторию исторической науки и перейти на этом материале к обобщающим историографическим очеркам, которые показали бы в систематическом обобщении, а не время от времени, историю самой исторической науки, в процессе совершенствования ее методов исследования, а также ее идеологическую, надстроечную сторону. Читателей надо систематически познакомить с достижениями и недочетами дореволюционной русской историографии по истории древнего мира. Читателям надо показать в систематическом, последовательно-обобщенном изложении всю качественную разницу между передовой, развивающейся марксистско-ленинской историографией и историографией буржуазной, находящейся в состоянии регресса и загнивания, используемой для фальсификации истории.

В этой краткой заметке я не останавливался на деталях проспекта, а хотел отметить те основные, более или менее общие проблемы, которые, как мне кажется, нуждаются в доработке. За недостатком места я почти не останавливался на достоинствах вынесенного на обсуждение проспекта, потому что эти достоинства сами говорят за себя и не нуждаются в дополнительных перечислениях. Но в каждом сложном деле критика со стороны позволяет обратить внимание на то, что примелькалось его участникам и поэтому сделалось для них незаметным. Каждый проспект, план прежде всего является не догмой, а руководством к действию. И предложенный на обсуждение план первых двух томов «Всемирной истории» — результат серьезной и кропотливой работы, как я уже отмечал в начале своих замечаний, конечно, будет в дальнейшем дорабатываться и перерабатываться с целью все большего улучшения его содержания. Так же будут дорабатываться и координироваться главы, написанные на его основе.

Посильно содействовать этому и предназначены предложенные выше критические соображения.

9 июля 1952 г.

Доцент МГУ Н. Н. Пикус

* * *

Уже в работе «Марксизм и национальный вопрос» И. В. Сталин подчеркивал, что «...великие государства Кира или Александра...» были только «...случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»¹.

В труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин развивает эту мысль далее. Говоря, что империи Кира, Александра Великого, Цезаря, Карла Великого «... не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения», он указывает, что «...эти империи не только

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

ие имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹. Ниже И. В. Сталин еще раз подчеркивает самостоятельную роль этих племен и народностей: «... племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»².

Эта глубокая социально-экономическая характеристика, данная империям рабовладельческого и средневекового периода, имеет исключительно важное значение для развития советской исторической науки. В свете указаний И. В. Сталина вряд ли можно далее мириться с традиционным делением истории древнего мира на историю древнего Востока, древней Греции и древнего Рима. Такое деление истории древности неизбежно ведет к тому, что история многих народов, игравших значительную роль в историческом процессе древности, заменяется историей крупных рабовладельческих государств древнего мира.

Ярким примером этого является хотя бы та глава истории древнего Востока, которая посвящена истории Ирана. История империи Кира совершенно заслуживает собой историю народов древнего Ирана, в особенности восточно-иранских, среднеазиатских народностей, которые сыграли в истории развития древнеиранской культуры гораздо большую роль, нежели сами персы — западные иранцы. Разработка истории этих народностей убедительно свидетельствует об этом. Буржуазные историки рассматривают историю древнего Востока лишь как вступление к истории Греции и Рима, игнорируя самостоятельную историческую роль народов древнего Востока, в особенности народов древней Средней Азии, а между тем работы советских историков показывают, что народы Бактрии, Согды, Хорезма имеют свою очень древнюю и вполне самостоятельную историю. Отделение восточных иранцев Средней Азии от западных иранцев произошло, как известно, задолго до начала нашей эры. Нельзя смешивать среднеазиатских иранцев с западными иранцами. Восточные (среднеазиатские) иранцы имеют свою собственную, независимую от персов историю и культуру. Об этом говорит и содержание Авесты, и древний эпос, обнаруживающие свое среднеазиатское происхождение.

Однако, если в истории древнего Востока, несмотря на существенные пробелы, все же в какой-то мере изучается история многих древневосточных стран и народов, в истории классической античности древняя Греция и Рим, и по существу и по форме, совершенно заслужили собой все другие народы Средиземноморского мира. История некоторых из них, правда, изучается в римской истории, но только постольку, поскольку она соприкасается с историей Рима в период республики или империи.

Конечно, древняя Греция и Рим сыграли в истории человечества большую роль. Не случайно Ф. Энгельс подчеркивал, что мы вынуждены будем «... снова возвращаться в философию, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на какое не может претендовать ни один другой народ»³.

Значительна роль и древнего Рима в истории человечества. Через Рим и Византию современное человечество получило великое культурное наследие античности, не говоря уже о том вкладе в культуру человечества в области языка, поэзии, риторики, философии, истории, права, который сделал сам Рим.

Однако и народы Северного Причерноморья, Дунайского бассейна, Фракии, Малой Азии, Парфии, Индии, Китая, Африки, Иберийского полуострова, Галлии и др. имели свою историю, создали свою культуру и играли значительную роль в древнем мире на протяжении очень длительного времени (с V в. до н. э. по V в. н. э.).

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

² Там же.

³ Фр. Энгельс, Диалектика природы, 1946, стр. 27.

Без знакомства с их историей представление о ходе всемирно-исторического процесса в древнее время остается далеко не полным и по существу неверным.

Указания И. В. Сталина обращают внимание историков на необходимость перенести центр тяжести при изучении истории классической античности на историю народов, на историю трудящихся.

В проспекте «Всемирной истории» впервые сделана попытка покончить с традиционным построением древней истории и дать историю древнего мира как всемирно-исторический процесс на определенном этапе развития человечества. Авторы проспекта проделали большую и очень ценную работу. Их инициативу следует всячески приветствовать, однако предлагаемая ими схема построения древней истории вызывает сомнения.

Прежде всего деление истории древности на шесть этапов представляется излишне детализированным и затруднительным для усвоения. Рабовладельческое общество в своем развитии проходит не два этапа: время господства ранне-рабовладельческих отношений и время господства развитых рабовладельческих отношений, а три. Кроме указанных двух этапов имеется еще один: время разложения рабовладельческого общества, причем этот этап охватывает сотни лет. В соответствии с этим, может быть, правильнее было бы разделить всю историю древнего, рабовладельческого мира на три больших этапа: 1) ранне-рабовладельческое общество (до VII—VI вв.), 2) развитое (классическое) рабовладельческое общество (с VI до I в. до н. э. включительно) и 3) поздне-рабовладельческое общество (с I по V в. н. э.).

Естественно, что каждый из этих этапов не является чем-то застывшим, неизменным на протяжении всей своей истории. В каждом из них можно наметить две или три ступени. Такое деление каждого этапа в развитии рабовладельческого общества позволяет провести синхронный принцип в изучении древности, но без излишней детализации, не применяя его механически, например, по векам, а по большим и важным характерным признакам, общим для каждой эпохи.

На основе этих положений построение древней истории могло бы иметь следующий вид.

I. Ранне-рабовладельческое общество

1. Возникновение и развитие ранне-рабовладельческого общества

Долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда. Образование рабовладельческих обществ и государств у египтян, шумерийцев, вавилонян, хеттов и у древнейшего населения Индии.

В этом разделе изучается история народов, у которых очень рано возникли рабовладельческие отношения, причем в силу ряда условий (искусственное орошение, устойчивость сельской общины и др.) рабство у них до сравнительно-позднего времени (а иногда и до конца их истории) остается на ранней ступени развития в форме патриархального рабства.

2. Расцвет ранне-рабовладельческих обществ (XVI—XV ст. ст.—VII ст.)

Египет Нового царства. Крит. Ассирийская держава. Царство Урарту. Финикийские города. Иудейско-Израильское царство. Китай эпохи Инь и Чжоу.

К этой ступени относится дальнейшее развитие вышеназванных и остальных народов древнего Востока, Крита, южной части Балканского полуострова.

Необходимо, однако, наряду с подчеркиванием общих черт в социально-экономическом и политическом развитии этих народов, обратить внимание и на своеобразие отдельных обществ (ассирийского и хеттского — как военно-рабовладельческих, финикийского — как торгового по преимуществу).

II. Классическое (развитое) рабовладельческое общество

Этот этап является центральным, основным в истории древнего, рабовладельческого мира. Он дает отчетливое представление о характернейших особенностях рабовладельческого общества в его развитом, классическом виде.

В соответствии с ходом исторического развития рабовладельческого общества на этом этапе в нем, естественно, намечаются три ступени: а) время преобладания городов-государств (полисов); б) эллинистический период (преобладание крупных централизованных монархий); в) высшая ступень развития классического рабовладельческого общества (Римская средиземноморская держава на западе, государство Хань в Китае).

1. Античный полис (VI—IV вв.)

Древняя Греция с конца архаической эпохи, Северное Причерноморье, Рим и древняя Италия, Карфаген.

В этом разделе центральное место займет история греческих полисов. Наряду с освещением характерных черт экономического, социального и политического строя городов-государств Запада и Востока, необходимо показать и неизбежность кризиса полиса, ограничивающего в силу своей замкнутости (не взирая на обширные иногда размеры внешней торговли) развитие производительных сил общества.

2. Эллинистический период (IV—II вв.)

Создание и распад монархии Александра. Эллинистические государства Запада и Востока. Македония, Египет. Сирия, Малая Азия, Парфия, Бактрия, Хорезм. Индия. Китай. Сицилия. Рим. Греция. Северное Причерноморье. Придунайские страны. Галлия. Иберия.

Основное внимание в этом разделе уделяется анализу тех изменений в области экономики, культуры, государственного строя, которые были характерны для новой эпохи, подчеркивается прогрессивность новой ступени в развитии рабовладельческих отношений и вместе с тем ее ограниченность, делающая неизбежным переход к более крупным объединениям стран и народов Средиземноморского мира и Востока.

3. Высшая ступень развития классического рабовладельческого общества

Римская Средиземноморская держава. Парфия. Индия. Племена и народы Западной, Северной и Восточной Европы (Иберия, Галлия, Германия, Придунайские области, Северное Причерноморье), Азии и Северной Африки.

Историей Римской республики III—I вв., Парфянского государства, Индии времен Ашоки завершается изучение истории классического рабовладельческого общества.

III. Поздне-рабовладельческое общество (I—V вв.)

1. Начало кризиса рабовладельческих отношений

Ранняя Римская империя. Народы и страны Римской империи. Северное Причерноморье. Армения. Парфия. Сарматы, славяне и германцы.

В этом разделе изучается история народов и крупных государств в I—II вв. Для Римского государства — это время стабилизации рабовладельческих отношений после столетних гражданских войн, время некоторого экономического и культурного подъема. Однако вместе с тем это время разложения рабского способа производства, возникновения и развития новых форм эксплуатации (колоната, пекулия). Для народов Римской империи это время экономического подъема, развития производительных

сил, сближения между провинциальной и римской рабовладельческой верхушкой, усиления борьбы народов против римского гнета.

Для народов Востока (Армения, Парфия) это также время начала кризиса рабовладельческого строя.

Для германцев и славян это время разложения первобытно-общинных отношений.

2. Кризис и разложение рабовладельческого способа производства. Гибель рабовладельческого общества ;

Римская империя III—V вв. Кризис III в. Феодализация империи в IV в. Усиление борьбы угнетенных масс (рабов и колонов). Вторжения «варваров». Падение Западной Римской империи.

Окончательное разложение первобытно-общинных отношений у племен и народов Северной и Восточной Европы и Азии. Образование новых («варварских») государств в Западной Европе. Расселение славянских племен в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе.

Быстрый процесс феодализации Востока.

Такова примерная схема построения истории древнего мира. Следует помнить, что это именно схема. Не все народы прошли через все намеченные в ней этапы, но весь рабовладельческий мир в целом прошел через все эти этапы и ступени. Они дают достаточно четкое представление (и на конкретном историческом материале) о рабовладельческой социально-экономической формации в развитии человечества.

Предлагаемая схема, естественно, не может претендовать на совершенство. В ней, несомненно, могут быть (и, наверное, имеются) спорные моменты. Однако в целом, может быть, она окажется полезной при обсуждении периодизации истории древнего мира и выработке новой подлинно-научной марксистско-ленинской периодизации истории древнего мира.

12 июля 1952 г.

*Доцент Харьковского
гос. университета В. А. Гольденберг*